

Развитие частной торговли в 1924–1926 гг. в Иркутской губернии: тенденции и проблемы

Наталья Л. Брянская^a; Наталья В. Гонина^{b, @}

^a Институт развития образования Иркутской области, Россия, г. Иркутск

^b Красноярский государственный аграрный университет, Россия, г. Красноярск

@ nvg7@mail.ru

Поступила в редакцию 13.04.2020. Принята к печати 27.07.2020.

Аннотация: На основе документов Государственного архива Иркутской области рассмотрены тенденции развития частной торговли в Иркутской губернии с фокусировкой на наиболее активном периоде – 1924–1926 гг. Проанализированы проблемы функционирования частной торговли, их воздействие на социально-экономическую ситуацию в регионе. Дано описание рыночной деятельности и товарного ассортимента, роли и значения предпринимательства для ликвидации товарного дефицита и восстановления товарно-денежных отношений. Выявлено бурное развитие частной торговли в начале рассматриваемого этапа и сокращение данного сегмента экономики в условиях политики, направленной на расширение государственного сектора. Отмечено, что одним из последствий стало вытеснение частного предпринимательства в сельскую местность и сокращение розничной сети. Сделаны выводы о противоречивом и нестабильном характере развития частной торговли в указанный период. Особенностью рассматриваемого региона был значительный разрыв между ценами и доходами населения, а также между стоимостью промышленных и сельскохозяйственных товаров. Это обусловило неэффективность государственной торговой деятельности и потребность в поддержке частного предпринимательства. Однако централизация экономической политики и жесткость позиций руководства не позволили развить данные тенденции, что негативно сказалось на экономике региона в целом.

Ключевые слова: новая экономическая политика, предприниматель, мелкорозничная торговля, оптово-розничная торговля, частный торговец, покупательная способность

Для цитирования: Брянская Н. Л., Гонина Н. В. Развитие частной торговли в 1924–1926 гг. в Иркутской губернии: тенденции и проблемы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 575–583. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-575-583>

Введение

Актуальность исследования обусловлена качественными изменениями, которые претерпел российский частный бизнес за последние двадцать пять лет своего развития. Особую важность на современном этапе представляет развитие частного предпринимательства в регионах. Значительную роль в этом процессе играет Иркутская область. Она имеет исторически сложившуюся торговую специфику, на основе которой здесь успешно развивается современная торговля. На сегодняшний день регион представляет собой обширный внутренний рынок с благоприятной инфраструктурой для развития частного предпринимательства и продвижения товаров и услуг из центра. Для более успешного функционирования частного предпринимательства необходимо изучать исторический опыт его осуществления на этих территориях, в частности в годы новой экономической политики (НЭП). Цель статьи – исследовать специфику развития частной торговли в Иркутской губернии в период ее расцвета – в 1924–1926 гг.

В зарубежной историографии тема НЭПа рассматривалась достаточно широко в 1990-е гг., интерес во многом

был стимулирован коллективной работой с участием Шейлы Фицпатрик [1], однако в XXI в. интерес фокусируется больше на сталинском периоде. Среди англоязычной историографии можно выделить несколько работ, написанных в разных подходах, но так или иначе рассказывающих о частной торговле в период НЭПа. Наиболее интересными с позиции нашей темы являются труды М. Харрисона [2; 3], М. Хилтон [4] и Дж. Хесслер [5].

М. Харрисон стал известен в 1980-е гг., опубликовав серию работ, посвященных проблемам НЭПа. Выводы, сделанные в них, сегодня вошли во многие учебники. Новая книга М. Харрисона в соавторстве с А. Маркевичем, вышедшая на русском языке, охватывает большой исторический период и привлекает значительный объем количественных данных, в том числе с использованием компаративного анализа, приводит к выводу о том, что Первая мировая и Гражданская войны стали для России самым тяжелым экономическим потрясением XX в. и новая экономическая политика не позволила преодолеть нанесенный урон [2].

М. Хилтон в книге, посвященной развитию потребительской культуры в России с 1880-х гг. до начала 1930-х гг.,

много внимания уделяет анализу периодической печати. В этом заключается ее интерес для нас, т. к. данный исторический источник часто анализируется в контексте культурной истории и крайне редко – в экономической. Впрочем, книга больше лежит в поле культурной антропологии. Другой важный аспект работы – это оценка коммерческой деятельности как социокультурного явления, которое не менее важно для развития общества, чем государство или церковь. Она подчеркивает решающую роль потребительства как средства для формирования классовой и гендерной идентичности, современности, урбанизма и как механизма управления при переходе от царского самодержавия к советскому социализму [4].

Работа Дж. Хесслер, выполненная в жанре экономической истории, наиболее близка нашей теме, и она во многом заложила основы современного подхода к изучению частной торговли в период НЭПа [5]. Автор занимается темой несколько десятилетий и хорошо знакома как с зарубежной, так и советской историографией. Она свободно оперирует такими понятиями, как товарооборот и многоукладная экономика, знает работы советских экономистов. Открытие доступа в российские архивы позволило ей ввести в научный оборот целый ряд отечественных материалов как центральных, так и провинциальных архивов и обосновать сделанные ранее на базе иностранных источников выводы.

Отечественной историографией накоплен существенный теоретический и фактический материал по отдельным аспектам частной торговли в 1920-е гг., которые в основном исследуются в рамках обобщающих работ и статей по истории НЭПа. Собственно историография истории существования частного предпринимательства в экономике переходного периода незначительна по объему. За последние 20 лет изучение экономики 1920-х гг. развивается не так активно, как в 1990-е гг., или, например, как тематика культуральной истории 1920-х гг. и истории повседневности [6]. Причем последнее направление достигло такого размаха, что даже историографию 1920-х гг. некоторые авторы рассматривают исключительно в контексте изучения истории повседневности [7]. Известный историограф НЭПа И. Б. Орлов также отмечает историографический поворот в сторону истории повседневности в 2000-е гг. [8].

Среди опубликованных по интересующей нас тематике статей можно выделить как традиционное направление исследований – управление экономическими процессами в 1920-е гг. [9–11], так и относительно новый для отечественных исследователей локальный подход в духе лестерской школы [12; 13]. Мы считаем, что среди последних работ наиболее перспективными являются локальные исследования, т. к. в качестве объекта изучения частная торговля в достаточно экстремальной и кратковременной ситуации НЭПа будет интересна именно с точки зрения местной специфики, социальных связей, диалектики глобального и локального.

Наибольшего успеха в исследовании НЭПа в Сибири достигла Е. В. Демчик. Открыв проблему на волне интереса к предпринимательству в 1990-е гг. [14], она подчеркнула, с одной стороны, неприятие центральными и местными руководителями самой идеи разрешения частной торговли, а с другой – острейшую необходимость в ней для развития экономики [15]. За прошедшие 30 лет в целом ряде публикаций она раскрыла многие грани социально-экономических отношений данного периода. Представляет интерес ряд статей, посвященных нэпманам, где, в частности, представлен полный социальный портрет этой группы. Автор замечает интересную диалектику отношений, указывая, что «первоначальное накопление частного капитала, нигде и никогда не отличавшееся особой нравственной чистотой, в специфических условиях Советской России 20-х годов происходило совсем уж хищнически» [16, с. 147], и в то же время «все большее число коммерсантов обращались к лучшим традициям дореволюционного предпринимательства. Они дорожили престижем своего дела, хранили верность слову, стремились добиться прибыли хорошей работой» [16, с. 147].

Евгения Валентиновна Демчик опровергает основной тезис советской историографии о хищнической сущности предпринимателей, отмечая, что кредитование было недостаточным, а посредники и ростовщики наживались на безвыходном положении торговцев. «Абсолютное большинство частных торговцев 20-х гг. занималось мелкой розничной торговлей, выбирая патенты 1–2 разрядов. Уровень их доходов лишь немногим превышал средний доход на душу населения. Часть из них, едва сводя концы с концами, видимо, без особого сожаления рассталась бы со своими занятиями» [17, с. 167].

Признавая большой вклад Е. В. Демчик в изучение НЭПа в Сибири, все же заметим, что Иркутская область ею практически не рассматривается.

Публикации красноярского ученого А. И. Бакшеева, одного из немногих специалистов по НЭПу в данном регионе, отличаются большим разбросом тем и подходов. Его последняя крупная работа полностью сосредоточена на вопросах управления и не касается проблем торговли [18]. Интересующая нас проблематика сосредоточена в ряде статей, посвященных коррупции, где автор отмечает, что в сложившихся условиях деятельность частника была невозможна без взятки [19; 20].

Другое, не менее значимое направление в историографии НЭПа – это использование исторической информатики, т. к. особенностью экономической деятельности в условиях рыночных отношений является многообразие, и без компьютерного анализа и моделирования разобраться в нем и обосновать полученные выводы достаточно сложно, что было доказано уже в работах специалистов в 1990-е гг. [21].

Однако для реализации указанных направлений, которые, как мы видим, разрабатываются в отечественной исторической науке уже 20 лет, требуется мощная источниковедческая работа, которая, к сожалению, пока отстает.

Успехи, достигнутые в МГУ в этом направлении в 1990-х гг.¹, а также отдельные публикации документов² – это практически все, чем мы располагаем. При этом важно обратить внимание, что эта работа по-прежнему недооценивается и рассматривается как вспомогательная. Так, среди статей, посвященных изучению экономики 1920-х гг., за последние 5 лет только одна посвящена анализу источников [22]. В Сибири же подобная работа ведется при дефиците специалистов, техники и базовых знаний в области цифровых технологий. В этом плане перспективное сотрудничество осуществляет Л. И. Бородин на Алтае с Е. В. Демчик и В. Н. Владимировым [23; 24].

Таким образом, ситуация в историографии НЭПа за последние 10 лет значительно изменилась относительно тех выводов, которые были сделаны Н. А. Брянской (Зыковой) в 2012 г. [25]. Но если говорить об изучении Восточной Сибири, то здесь ситуация осталась практически прежней. Представляется необходимым углубить и расширить исследования периода 1920-х гг. в Восточно-Сибирском регионе на основании перспективных научных подходов. И в первую очередь нужно провести систематизацию и структурирование имеющихся данных.

Тенденции и особенности развития частной торговли

При относительной изученности темы недостаточно ясными остаются вопросы специфики функционирования частной торговли на территории Иркутской губернии. Это обуславливает научную новизну данной статьи, т. к. основными источниками исследования являются архивные документы Государственного архива Иркутской области (ГАИО), часть из которых впервые вводится в научный оборот.

В 1924–1926 гг. развитие частной торговли в Иркутской губернии отличалось определенными тенденциями. Одной из них стал процесс упорядочения частной деятельности, в результате которого стихийные городские рынки превратились в специализированные. Например, в Иркутске к 1925 г. подобных рынков было несколько. В основном они концентрировались в центре города. К ним относились мелочной базар, где имела место лавочная торговля бакалейной, мясной, рыбной продукцией; старосенный базар – лавочная торговля подержанными вещами, одеждой и обувью, головными уборами; новосенный базар – мясные и рыбные ряды; хлебный, где велась торговля с открытых мест продуктами собирательства, садоводства, молочными продуктами, хлебобулочными изделиями, галантереей; Свердловский базар, который был наиболее крупным, т. к. здесь торговали из балаганов и киосков. Балаганы

представляли собой мануфактурно-галантерейные и бакалейные, а киоски – парфюмерно-галантерейные и бакалейно-табачные ряды [26, с. 36].

Следующей тенденцией стала концентрация оборотных средств у частных предпринимателей, что было обусловлено быстрым и успешным ростом частной торговли в предыдущие три года. Концентрация средств, в свою очередь, вызвала процесс укрупнения частной торговли, который проявился в некотором увеличении частных оптовых и оптово-розничных торговых предприятий. Так, в Иркутской губернии в 1924/25 г.³ количественный показатель оптовой торговли составлял не более 3,5 %. В следующем году он повысился до 4,6 %. В оптово-розничной торговле губернии к июню 1925/26 г. удельный вес частного вырос до 22 %⁴. Таким образом, оптово-розничная частная торговля в Иркутской губернии получила больше развития, чем по стране, где ее максимальный удельный вес по оборотам был достигнут в 1923/24 г. и составил 18 %⁵.

В целом роль частного в торговле 4–5 разрядов (оптово-розничной) губернии продолжала оставаться невысокой. Доминирующую позицию здесь занимала государственная и кооперативная торговля. Подобная динамика была обусловлена политикой нажима власти на частную оптовую и оптово-розничную торговлю. Вследствие того, что государство контролировало оптовую торговлю, преимущество по торговым оборотам было на стороне государственных и кооперативных торговых предприятий.

Тенденция преобладания количественного показателя над оборотами продолжала характеризовать частную торговлю в исследуемом регионе. Тем не менее ее обороты в 1924–1926 гг. несколько увеличились. Подобное увеличение было связано с процессом укрупнения торговых предприятий в результате концентрации средств у отдельных лиц. В то же время параллельно произошло резкое увеличение оборотов государственной и кооперативной торговли в результате покровительственной политики власти. Например, удельный вес частной торговли в 1923/24 г. в общем торговом обороте Иркутской губернии составлял 26,6 %, в кооперативной – 33,4 %, в государственной – 40 %⁶. Данная динамика объясняется тем, что в Иркутской губернии в торговых оборотах преобладала государственная торговля. Отмечая преимущество кооперации и госторговли в товарообороте губернии, следует иметь в виду, что в условиях сокращения частных предприятий она выполняла все функции по обслуживанию населения, что обеспечивало ей высокие торговые обороты, особенно в сельских местностях.

¹ Центр экономической истории при Историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/> (дата обращения: 27.03.2020).

² Советская товарная биржа, 20-е годы. Документы и материалы / сост., коммент. и вступ. ст. Н. В. Московченко. М.: Дело, 1992. 342 с.

³ В статистических отчетах 1920-х гг., используемых в работе, год считался с 1 октября по 1 октября.

⁴ Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИ ИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2591. Л. 134.

⁵ ГАИО. Ф. Р-806. Оп. 1. Д. 4. Л. 78–79; ГАИО. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 53. Л. 120.

⁶ ГАИО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 2. Л. 230.

Что же касается количественных показателей, здесь продолжали лидировать предприятия частной мелкорозничной и розничной торговли. В то же время в результате политики нажима власти их количество уменьшилось. Так, по данным Иркутского губвнуторга, в первом полугодии 1923/24 г. в Иркутске наблюдалась тенденция уменьшения частной торговой сети при увеличении ее оборотов в 2 раза. Частных магазинов стало меньше, но количество товара в них увеличилось⁷. Это объясняется тем, что в предыдущие три года у частников произошла концентрация средств, которые они могли свободно пустить в оборот. Данная тенденция была характерной только для губернского города. В целом по Иркутской губернии в 1923/24 г. предприятия частной мелкорозничной и розничной торговли составляли 88,9 % всей торговой сети. На кооперативную торговую сеть приходилось только 8,5 % предприятий. Остальные 2,6 % занимала государственная торговля⁸. В 1924/25 г. численность частных предприятий в Иркутской губернии составляла 78,2 % от общей численности торговых предприятий по сравнению с 1923/24 г., т. е. произошло их сокращение на 10,7 %⁹. Однако, несмотря на политику нажима власти в отношении частной торговли, она сохраняла лидирующие позиции.

у частных оптовиков центральных регионов. Следует отметить и усиливавшиеся позиции сибирской кооперации, удельный вес которой составлял 35 % всего товарооборота. По стране этот показатель составлял только 20 % [27, с. 45].

Отличительной особенностью рассматриваемого периода стало смещение частной торговли в сельскую местность, что было обусловлено антикризисными мерами власти, которые привели к некоторому повышению материального уровня деревни, а также ужесточением регулирующей политики в отношении частного капитала. Указанные факторы привели к дальнейшему развитию частной торговли в селах. Ее форма оставалась мелкорозничной разъездной торговлей. К ней добавилась частная мелкорозничная торговля 1–2 разрядов, сместившаяся из городов в сельскую местность. Таблица¹⁰ показывает, что данные виды торговли имели большое значение для отдаленных районов, например Верхоленского уезда Иркутской губернии, где существовала только частная торговля 2 разряда.

Развитие частной торговли в селах значительно отставало от роста таковой в городах по причине специфичности сельской местности. Это отдаленность, вызывавшая проблемы с доставкой товара и низкая покупательная способность крестьян из-за отсутствия у них денежных средств.

Табл. Распределение частных розничных торговых предприятий по уездам Иркутской губернии к январю 1924 г.

Tab. Distribution of private retail outlets by areas of the Irkutsk province, January 1924

Разряд	Зиминский уезд		Тулунский уезд		Балаганский уезд		Верхоленский уезд		Иркутский уезд	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
1	22	10,5	11	10,6	1	2,9	–	–	34	14,9
2	132	62,9	56	53,8	13	37,1	6	100	134	59
3	56	26,7	36	34,6	21	60	–	–	50	22
4	–	–	1	0,9	–	–	–	–	9	3,9
5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	210	100	104	100	35	100	6	100	227	100

Темпы развития частной торговли существенно замедлились. Массированные меры власти по ее регулированию привели к сокращению торговой сети, показателей удельного веса и оборотов. Начиная с 1923/24 г. по первое полугодие 1924/25 г. тенденция резкого сокращения численности частных торговых предприятий и их удельного веса в общей торговой сети наблюдалась по всей стране. В Центрально-Европейской части страны сокращение численности частной торговли в первом полугодии 1923/24 г. в сравнении с предыдущим полугодием составило 20 %. В Сибири за этот период численность частных торговых предприятий сократилась более чем на 30 %. Особенно быстро шло сокращение частных предприятий, торговавших текстилем (на 70 %), бакалей (на 50 %) и другими товарами, которые закупались

в деревнях губернии частная мелкорозничная торговля начала оживленно развиваться только с 1923 г., когда частники приобрели устойчивые позиции на рынке. Частный сектор в деревне преобладал в количественном отношении в сравнении с кооперативным и государственным. В Иркутской губернии в 1923/24 г. на 1 частное торговое предприятие приходилось 704 сельских жителя (в городе Иркутске – 79 человек), кооперативное – 2554 (в Иркутске – 4909 человек), а предприятие госторговли обслуживало до 18264 сельчан (в Иркутске – 4418 человек). В 1924/25 г. ситуация несколько улучшилась за счет продолжающегося смещения мелкорозничной частной торговли из города в деревню. Теперь на 1 частное торговое предприятие в городах Иркутской губернии приходилось в среднем

⁷ ГАИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2591. Л. 134; ГАИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1825. Л. 147 об.

⁸ ГАИО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 2. Л. 113.

⁹ ГАИО. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 91. Л. 143.

¹⁰ Составлена по: ГАИО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

64 человека, а в сельских местностях – 300 человек¹¹. В целом малое количество торговых лавок, как частных, так и кооперативных, их разбросанность и ограниченное снабжение необходимыми товарами не обеспечивало потребностей крестьян в полной мере. За нужными товарами им по-прежнему приходилось ездить в город. В указанный период частная торговля в селах представляла собой торговлю дефицитными промышленными товарами первой необходимости, которые частные торговцы везли из губернских городов. Они продавали эти товары с лотков или открывали небольшие лавочки, где крестьяне могли приобрести необходимые им одежду, обувь, керосин, спички, нитки и другие необходимые для деревни промышленные товары [28, с. 55].

Проблемы частной торговли

Проблема товарного дефицита продолжала оставаться актуальной для деревенских жителей. Однако по сравнению с предыдущим периодом ситуация несколько улучшилась. Рынок способствовал росту хозяйственной деятельности крестьян. Потребительская кооперация, сельскохозяйственные кредитные товарищества способствовали активной реализации хлеба на внутреннем рынке. Например, жители с. Кундуй Тулунского уезда Иркутской губернии часть заготовленного хлеба направляли для торговли на продажу в соседние и отдаленные районы Куйтун, Жигалово¹². Реализовав хлеб, крестьяне покупали одежду, обувь, мануфактуру, хозяйственно-бытовые товары в частных и кооперативных лавках, появившихся в деревне в связи с расширением и развитием торговли. Обычно в кооперативных лавках не всегда можно было приобрести нужный товар, а частные лавки предлагали широкий ассортимент необходимых в крестьянском хозяйстве товаров. В некоторых случаях они составляли серьезную конкуренцию деревенской кооперации. Так, по данным Иргубстатбюро в Кударинской волости Иркутского уезда имелись 1 частная и 3 кооперативных лавки¹³. Местное население охотно приобретало товар в частной лавке, т. к. там был большой выбор товара по относительно низким ценам. Например, пуд (16 кг) ржаной муки в кооперативной лавке стоил 90 коп., а в частной – 83 коп., аршин (0,71 м) ситца в кооперативной лавке стоил 60 коп., в частной – 45 коп., керосин (1 л) в кооперативной лавке – 15 коп., в частной – 12 коп. В Тыретской волости Зиминского уезда Иркутской губернии имелись 3 частные лавки и 1 кооперативная. Разница в ценах между ними составляла 10 %, причем не в пользу кооперативной¹⁴. Подобные случаи использовались частниками

для того, чтобы успешно конкурировать с кооперативами. Специфика частной торговли в селах губернии продолжала оставаться мелкорозничной с невысоким уровнем развития.

Со второго полугодия (апрель–сентябрь) 1924/25 г. по 1925/26 г. в Иркутской губернии наблюдалась тенденция значительного роста частной торговой сети по сравнению с предыдущим годом. Данная ситуация была связана с тем, что в результате жестких мер власти по регулированию частной торговли в 1923/24 – первом полугодии (октябрь–март) 1924/25 г. начался ее массовый уход с рынка, что тут же негативно отразилось на экономической ситуации. В итоге власть была вынуждена ослабить нажим на частную торговлю, что вновь вызвало ее подъем. Так, в Иркутской губернии в первом полугодии 1925/26 г. рост частной торговли составил 13,9 %¹⁵. В целом по Сибири к началу 1925/26 года произошел рост частной торговли 2–3 разрядов на 33 %. В общем товарообороте региона рост оборотов частной торговли увеличился на 39,3 %. На долю частного торгового капитала приходилось 46,8 % розничного товарооборота Сибири, 46,2 % составляла доля кооперативного сектора, 7 % – доля государственного сектора¹⁶. Проходивший в декабре 1925 г. XIV съезд ВКП(б) отметил как отрицательный фактор абсолютный рост частного капитала в торговле и поставил задачу дальнейшего его вытеснения с рынка. Несмотря на указанный подъем, частный капитал уже к концу 1925 г. занимал подчиненное положение в товарообороте и сохранял преобладание в мелкой розничной торговле¹⁷.

Тенденция сокращения частной розницы в результате политики нажима власти на частный капитал привела к ряду проблем, которые ударили не только по частным торговцам, но и по потребителям. Частники, оставшиеся на рынке, вынуждены были повысить цены. Повышение цен произошло и в кооперативах, которым, как хозяйственным организациям, это повышение было выгодно. Так, булка хлеба из ржаной муки поднялась в цене от 55 коп. до 1 руб., т. е. на 80 %, хлеб из пшеничной муки – от 95 коп. до 1 руб. 45 коп. за булку (на 52 %). В кооперативе ржаной хлеб подорожал на 36 %, пшеничный – на 25 %¹⁸. Несмотря на то, что товарный голод был преодолен, а материальное положение населения несколько улучшилось, большинство людей в городах по-прежнему жили очень скромно. Цены в магазинах, особенно частных, были высокими, а заработки – низкими. Например, средний размер месячной заработной платы рабочего составлял около 40 руб. Зарплата служащих была еще меньше и составляла в среднем 25 руб.¹⁹

¹¹ Иркутский рабочий. 10.06.1924.

¹² ГАИО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 2. Л. 118–119.

¹³ ГАИО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 2. Л. 119.

¹⁴ ГАИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2591. Л. 42, 43, 212.

¹⁵ ГАИО. Ф. Р-806. Оп. 1. Д. 4. Л. 78–79.

¹⁶ Известия. 26.12.1925.

¹⁷ ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 257. Л. 68.

¹⁸ Иркутский рабочий. 10.06.1924.

¹⁹ Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-827. Оп. 1. Д. 15. Л. 50.

В потребительскую корзину (согласно бюджетному набору) входили следующие основные продукты: яйца, молоко, мука, масло, соль, керосин, нитки, спички, мыло, сахар, махорка. Килограмм сахара стоил 35 коп., булка хлеба – 1 руб., коробок спичек – 15 коп., литр керосина – 6 коп., брусок мыла – 25 коп., моток ниток – 20 коп., фунт табака – 3 руб., литр топленого масла – 70 коп., литр молока – 6 коп. Таким образом, средняя стоимость потребительской корзины составляла от 12 руб. 26 коп. до 12 руб. 50 коп. На рынке этот набор варьировался от 13 руб. 22 коп. до 13 руб. 50 коп. Однако реальная сумма, которую среднестатистический потребитель тратил на покупку продуктов, была значительно выше и составляла чуть больше 20 руб. В результате только на продукты уходила половина заработной платы. Наиболее дорогими были промышленные товары. Стоимость пары сапог варьировалась от 15 до 25 руб., аршин сукна стоил 4 руб. 75 коп.²⁰ Учитывая постоянный рост инфляции, при таком соотношении цен и заработной платы прожить было очень трудно. Кроме того, покупательная способность населения в результате колебания цен в 1925/26 г. значительно снизилась. В Иркутской губернии в среднем она составляла 28 руб. 50 коп. на душу. Из них 31 руб. 40 коп. – покупательная способность горожан, 25 руб. 60 коп. – крестьян²¹. Низкий уровень покупательной способности крайне чувствительно отражался на выручках частных торговцев, отчего их доходы уменьшились. В итоге торговые предприятия, особенно мелкорозничные, а таковых было большинство, в основной своей массе разорались и закрывались. Таким образом, от государственной политики наступления на частный капитал пострадали все: частные предприниматели, кооперация, потребители.

Еще одной проблемой для частной торговли стала государственная политика регламентации цен для развития государственного и кооперативного секторов торговли. Делалось это сознательно, т. к. регламентация цен не оставляла места свободной конкуренции, делала ее невыгодной. Данная ситуация заставляла частных торговцев снижать цены, чего и добивалась власть. Представляется интересным тот факт, что сами частные торговцы положительно воспринимали ценовую политику и соглашались торговать по фиксируемым ценам при условии понижения размера налогов, арендной платы, акцизных сборов и других платежей, которые делали низкие цены невыгодными.

Проведение властью комплекса регулирующих мер в период с 1924 по 1925 гг. привело к значительному снижению уровня частной торговли и ее роли в товарообороте Иркутской губернии по сравнению с предыдущим этапом. Тем не менее, несмотря на указанные проблемы, развитие частной торговли привело к увеличению экономических показателей. Рост частной торговли положительно сказался на повышении материального уровня населения. Покупательная способность крестьян с 1924 по 1925 годы

выросла почти в 2 раза [29, с. 230, 241]. Развитие частной торговли частично привело к положительному разрешению таких социальных проблем, как безработица, карточная система снабжения и др. Население изучаемого региона получило возможность работать и зарабатывать. Более половины занятого населения городов Иркутской губернии приходилось на частную торговлю. Деятельность частных торговцев обусловила насыщение губернских рынков товарами широкого потребления, в том числе дефицитными. Это привело к отмене карточной системы, у людей появилась возможность свободно купить желаемый товар.

Расширение и подъем частного рынка в Иркутской губернии сыграли значительную роль в снабжении деревни дефицитными промышленными товарами. Государственная товарно-распределительная система не удовлетворяла спроса крестьянского населения губернии, а частный торговец выступил посредником не только на городском, но и на деревенском рынке. В результате жители сельских местностей получили возможность доступа к разнообразному ассортименту промышленных товаров.

В то же время противоречивая тенденция развития частной торговли и параллельный процесс ее искусственного сдерживания государством создавали сложную и нестабильную ситуацию в обществе и экономике.

Заключение

В 1924–1926 гг., несмотря на противоречивые регулирующие меры государства, развитие частной торговли активно продолжалось. В Иркутской губернии развитие частной торговли определялось рядом тенденций, таких как упорядочение процесса ее развития, увеличение оптовой и оптово-розничной торговли, смещение частной торговли в сельские местности, преобладание частной розничной сети и т. д.

В отличие от 1921–1923 гг. количественные показатели, торговые обороты, удельный вес частной торговли в Иркутской губернии значительно снизились. Данный процесс был обусловлен рядом проблем, вызванных нажимом власти на частную торговлю, в связи с чем частные предприниматели стали испытывать определенные сложности. Наибольшие трудности возникли в сфере торговой деятельности частников. Жесткие меры государства по регулированию частной торговли привели к массовому закрытию частных торговых предприятий губернии, что осложнило экономическое положение. В итоге государство вынуждено было ослабить нажим на частную торговлю. Этот шаг стабилизировал ситуацию и с весны 1925 г. привел к относительному росту частной торговой сети в губернии. Однако по сравнению с предыдущим этапом ее уровень стал гораздо ниже.

НЭП в сфере торговли на местах выразилась в первую очередь в восстановлении частного предпринимательства.

²⁰ ГАНИ ИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2206. Л. 6.

²¹ ГАИО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 2. Л. 204.

Базарная торговля и развитие розничной сети в Иркутской губернии пережили период бурного развития, что было характерно и для ряда других регионов страны [12–14; 30, с. 219–242]. Нельзя не согласиться с рядом авторов, что на данном этапе повсеместно происходила частичная ликвидация дефицита в отношении товаров первой необходимости, расширение количества рабочих мест и самозанятости, а также накопление средств у предпринимателей. С другой стороны, мы согласны с Дж. Хесслер в ее оценках советской частной торговли в период НЭПа как протекавшей в условиях многоукладной экономики, экономического кризиса и жесткого преследования со стороны власти [5, р. 8–9, 130].

Важно заметить, что для руководящих лиц было характерно «политически правильное» недоверие к «частникам» и «нэпманам», что отражалось как в различных формах экономического и внеэкономического давления, так и в жесткой критике их в периодической печати. Население достаточно активно поддерживало такую политику, т. к. было недовольно рыночными ценами и товарным ассортиментом. Это дало основание М. Хилтон для вывода об отсутствии культуры торговли и общем негативном отношении населения к коммерческой деятельности [4].

Однако если говорить об удаленных, малоосвоенных, имеющих низкую плотность населения регионах, примером

которых была Иркутская губерния, то здесь главную роль играли вопросы выживания и самообеспечения. Тесная связь города с сельской местностью снимала проблему голода. Однако если питанием люди могли обеспечить себя сами, то промышленные товары становились мало доступными. Большой разрыв между ценами и доходами населения был постоянным поводом для дестабилизации экономики, социальных протестов и незаконной деятельности. В такой ситуации мелкий предприниматель мог быть инструментом для регуляции отношений. 1924–1926 гг. явились для Иркутской губернии периодом наибольшего развития и расширения частной торговли. К этому времени произошла концентрация средств у мелких предпринимателей, благодаря чему они смогли расширить свою торговлю, пустив деньги в оборот. Активному расширению также способствовала мягкая позиция местной власти в отношении частной торговли.

Исследованный период наглядно демонстрирует возможности успешного развития частной торговли. Причем ситуация в Иркутской губернии, несмотря на наличие локальной специфики, в целом отражала общесоветские процессы. К сожалению, идеологизация экономической политики, ее централизация и жесткость требовали подавления частной инициативы, что предопределило тяжелые последствия для местного населения.

Литература

1. Russia in the era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture / eds. S. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, R. Stites. Bloomington: Indiana University Press, 1991. 356 p.
2. Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013. 109 с.
3. Harrison M. Why did NEP fail? // *Economics of Planning*. 1980. Vol. 16. № 2. С. 57–67.
4. Hilton M. L. Selling to the masses: Retailing in Russia, 1880–1930. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2014. 344 p.
5. Hessler J. A Social history of Soviet trade: Trade policy, retail practices and consumption, 1917–1953. Princeton: Princeton University Press, 2004. 366 p.
6. Килин А. П. «Кто не торгует, тот не ест!»: торговые практики в повседневной жизни рабочих Урала в 1920-е гг. // *Quaestio rossica*. 2017. Т. 5. № 4. С. 1047–1062. DOI: 10.15826/qr.2017.4.266
7. Оришев А. Б., Тарасенко В. Н. О тенденциях в историографии НЭПа // *Filo Ariadne*. 2016. № 3. С. 37–46.
8. Орлов И. Б. Современная историография нэпа (к вопросу о составлении «исследовательской карты») // *Харківський історіографічний збірник*. 2014. Т. 13. С. 85–96.
9. Белковец А. П., Белковец С. В. Экономическая политика Советской России (СССР). 1920–1930-е гг // *Genesis: исторические исследования*. 2015. № 6. С. 560–691. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.6.17476
10. Котельников А. С. Государственное регулирование частного капитала в 1920-е гг.: региональные особенности // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2015. № 4. С. 47–53.
11. Шабашова Е. В. Государственное регулирование розничной торговли и торговой рекламы в период нэпа // *Управление мегаполисом*. 2012. № 1. С. 62–76.
12. Виноградов С. В., Ещенко Ю. Г., Кулакова Н. И. Частное предпринимательство в период НЭПа (на материалах Поволжья) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2017. Т. 22. № 4. С. 139–150. DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.4.13
13. Петришина И. Д. Воронежские базары 1920-х годов // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2017. № 2. С. 84–88.
14. Демчик Е. В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул: АлтГУ, 1998. 239 с.
15. Демчик Е. В. Частные торговцы в годы нэпа: возрождение и гибель профессии (на материалах Сибири) // *Историческое профессиоведение / под ред. В. Н. Владимиров*. Барнаул: АлтГУ, 2004. С. 160–183.

16. Демчик Е. В. «Новые русские», годы 20-е // Родина. 2000. № 5. С. 146–149.
17. Демчик Е. В. Частный капитал Сибири в 20-е гг. XX в. Барнаул: АлтГУ, 2005. 302 с.
18. Бакшеев А. И. Проблемы советской государственности в Сибири периода нэпа. Красноярск: СФУ, 2013. 354 с.
19. Бакшеев А. И. Коррупция как социальное явление в нэповской Сибири // Федерализм. 2014. № 1. С. 163–170.
20. Бакшеев А. И. Взятничество в нэповской Сибири // Гришаевские чтения: мат-лы I национ. науч. конф., посв. памяти д-ра ист. наук, проф., заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева. (Красноярск, 11 сентября 2018 г.) Красноярск: КГАУ, 2018. С. 130–136.
21. Максимов С. В. Структура безработицы 20-х годов в СССР: новый подход к ее изучению // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях / отв. ред. Л. В. Милов. М.: Наука, 1992. С. 210–232.
22. Парамонова Р. Н. Конъюнктурные обзоры народного хозяйства самарского региона как источник по социально-экономической истории 1920-х годов // Гротовские чтения: мат-лы IV межрегион. науч.-практ. конф. (Самара, 22 октября 2015 г.). Самара: Офорт, 2016. С. 247–252.
23. Бородин Л. И., Демчик Е. В., Килин А. П., Конрой М., Кларк Ч., Лютов А. Н., Носова П. В., Орлов И. Б., Свищев М. А., Хазиев Р. А., Черникова Л. П. «Бублики для республики»: исторический профиль нэпманов. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2005. 222 с.
24. Демчик Е. В. Нэпманы: социально-профессиональные характеристики (на материалах Сибири) // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. 2014. № 41. С. 197–206.
25. Зыкова Н. А. Историография частной торговли в годы нэпа в Восточной Сибири: к проблеме изучения // Вестник КрасГАУ. 2012. № 10. С. 205–213.
26. Петрушин Ю. А. Земля кундуйская. Иркутск: Оттиск, 2006. 254 с.
27. Решетников Г. И., Черных А. В. Торговля и рынок Иркутской губернии. Иркутск: Иркут. губ. стат. бюро, 1923. 84 с.
28. Черных А. В. Торговля Иркутской губернии в освещении второго торгового учета: (По данным Губстатбюро и Губфинотдела на 1-е января 1924 г.). Иркутск: Иркут. губ. статист. бюро: Иркут. губ. фин. отдел, 1924. 59 с.
29. Советское народное хозяйство в 1921–1925 гг. / под ред. д-ра экон. наук И. А. Гладкова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 559 с.
30. Чунтулов В. Т. Экономическая история СССР. М.: Высш. шк., 1969. 463 с.

original article

The Development of Private Trade in 1924–1926 in the Irkutsk Province: Trends and Problems

Natalya L. Bryanskaya^a; Natalya V. Gonina^{b, @}^a Institute for the Development of Education of the Irkutsk Region, Russia, Irkutsk^b Krasnoyarsk State Agrarian University, Russia, Krasnoyarsk

Received 13.04.2020. Accepted 27.07.2020.

Abstract: The present research featured the trends of private trade in the Irkutsk province. The study was based on historical documents from the State Archives of the Irkutsk Region. The paper focuses on 1924–1926 as the period of active trade development. The authors analyzed the problems of private trade functioning and their impact on the socio-economic situation in the region. The article describes the market activity and product range, the role and importance of entrepreneurship in commodity deficit relief and re-establishing of market relations. The research revealed a rapid development of private trade at the initial stage and a further reduction of this segment of economy as a result of the policy aimed at expanding the public sector. Subsequently, small private business moved into rural areas, and the retail network reduced. The authors believe that the development of private trade in this period was contradictory and unstable. In the Irkutsk province, there was a significant gap between prices and incomes, as well as between the cost of industrial and agricultural goods. As a result, the state trade activities were inefficient, and the private entrepreneurship needed support. However, the centralization of economic policy and the rigidity of management positions did not allow these trends to develop, which negatively affected the economy of the region as a whole.

Keywords: new economic policy, entrepreneur, small-scale trade, wholesale and retail trade, private merchant, purchasing power

For citation: Bryanskaya N. L., Gonina N. V. The Development of Private Trade in 1924–1926 in the Irkutsk Province: Trends and Problems. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 575–583. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-575-583>

References

1. *Russia in the era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture*, eds. Fitzpatrick S., Rabinowitch A., Stites R. Bloomington: Indiana University Press, 1991, 356.
2. Markevich A., Harrison M. *World War I, Civil War, and Rebuilding: Russia's National Income in 1913–1928*. Moscow: Mysl, 2013, 109. (In Russ.)
3. Harrison M. Why did NEP fail? *Economics of Planning*, 1980, 16(2): 57–67.
4. Hilton M. L. *Selling to the masses: Retailing in Russia, 1880–1930*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2014, 344.
5. Hessler J. *A Social history of Soviet trade: Trade policy, retail practices and consumption, 1917–1953*. Princeton: Princeton University Press, 2004, 366.
6. Kilin A. "He who does not trade, does not eat!": trade practices in the everyday lives of Ural workers in the 1920s. *Quaestio rossica*, 2017, 5(4): 1047–1062. (In Russ.) DOI: 10.15826/qr.2017.4.266
7. Orishev A. B., Tarasenko V. N. On the trends in historiography NEP. *Filo Ariadne*, 2016, (3): 37–46. (In Russ.)
8. Orlov I. B. Modern historiography of the NEP (the question of drawing up a "research map"). *Kharkivskii istoriografichnii zbirnik*, 2014, 13: 85–96. (In Russ.)
9. Belkovets L. P., Belkovets S. V. Economic policy of the Soviet Russia (USSR) during the period of 1920–1930. *Genesis: Historical research*, 2015, (6): 560–691. (In Russ.) DOI: 10.7256/2409-868X.2015.6.17476
10. Kotelnikov A. S. State regulation of the private capital in the 1920s: the regional features. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2015, (4): 47–53. (In Russ.)
11. Shabashova E. V. Retail trade state regulation and trade advertizing in the times of the New Economic Policy (NEP). *Upravlenie megapolisom*, 2012, (1): 62–76. (In Russ.)
12. Vinogradov S. V., Eshchenko Yu. G., Kulakova N. I. The private business during the New Economic Policy (on the materials of the Volga region). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, 22(4): 139–150. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.4.13
13. Petrishina I. D. Voronezh market trade in 1920s. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, 2017, (2): 84–88. (In Russ.)
14. Demchik E. V. *Private capital in Siberian cities in the 1920s: from revival to liquidation*. Barnaul: AltGU, 1998, 239. (In Russ.)
15. Demchik E. V. Private traders in the years of the New Economic Policy: the revival and death of the profession (based on materials from Siberia). *Historical Professionvedenie*, ed. Vladimirov V. N. Barnaul: AltGU, 2004, 160–183. (In Russ.)
16. Demchik E. V. "New Russians", the 1920s. *Rodina*, 2000, (5): 146–149. (In Russ.)
17. Demchik E. V. *Private capital of Siberia in the 1920s XX century*. Barnaul: AltGU, 2005, 302. (In Russ.)
18. Baksheev A. I. *Problems of the Soviet statehood in Siberia during the NEP period*. Krasnoyarsk: SFU, 2013, 354. (In Russ.)
19. Baksheev A. I. Corruption as a social phenomenon in the NEP Siberia. *Federalizm*, 2014, (1): 163–170. (In Russ.)
20. Baksheev A. I. Bribery in New Economic Policy Siberia. *Grishaev readings: Proc. I National Sci. Conf., dedicated memory of Dr. East. Sci., Prof., honored worker of higher education Vasily Vasilyevich Grishaev*, Krasnoyarsk, September 11, 2018. Krasnoyarsk: KGAU, 2018, 130–136. (In Russ.)
21. Maksimov S. V. The structure of unemployment in the 1920s in the USSR: a new approach to its study. *Russia and the United States at the turn of the XIX–XX centuries. Mathematical methods in historical research*, ed. Milov L. V. Moscow: Nauka, 1992, 210–232. (In Russ.)
22. Paramonova R. N. Market reviews of the national economy of the Samara region as a source on the socio-economic history of the 1920s. *Grotov readings: Proc. IV Interregion. Sci.-Prac. Conf., Samara, October 22, 2015*. Samara: Ofort, 2016, 247–252. (In Russ.)
23. Borodkin L. I., Demchik E. V., Kilin A. P., Conroy M., Clark Ch., Liutov L.N., Nosova P. V., Orlov I. B., Svishchev M. A., Khaziev R. A., Chernikova L. P. "Bagels for the Republic": the historical profile of the NEPmen. Ufa: Bashkirskii gos. un-t, 2005, 222. (In Russ.)
24. Demchik E. V. Nepmen: social and professional characteristics (based on materials from Siberia). *Informatsionnyi biulleten assotsiatsii Istoriia i kompiuter*, 2014, (41): 197–206. (In Russ.)
25. Zykova N. L. Private trade historiography of New Economic Policy period in the Eastern Siberia: to the problem of research. *Vestnik KrasGAU*, 2012, (10): 205–213. (In Russ.)
26. Petrushin Iu. A. *Kundui land*. Irkutsk: Ottisk, 2006, 254. (In Russ.)
27. Reshetnikov G. I., Chernykh A. V. *Trade and market of the Irkutsk province*. Irkutsk: Irkut. gub. stat. biuro, 1923, 84. (In Russ.)
28. Chernykh A. V. *Trade of the Irkutsk province in the second trade accounting: (according to the Gubstatbyuro and Gubfinotdel on January 1, 1924)*. Irkutsk: Irkut. gub. statist. Biuro: Irkut. gub. fin. otdel, 1924, 59. (In Russ.)
29. *Soviet national economy in 1921–1925*, ed. Gladkov I. A. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1960, 559. (In Russ.)
30. Chuntulov V. T. *Economic history of the USSR*. Moscow: Vyssh. shk., 1969, 463. (In Russ.)